

Свящ. Константин АГГЕЕВ

Религия и политика

I

«Смешивать две вещи (религию и политику) была всегда тьма охотников, но ничего, кроме вреда для человечества, от этого не выходило». Эти слова г. Езерского в январской книге «Рус<ской> мысли» можно было бы дополнить¹. Немало находилось лиц, которые стремятся разъединить эти «великие факторы общественной жизни и прогресса человечества», но такое обособление никогда не выходило за пределы печатной бумаги. И сам автор, при несомненно одушевляющей его попытке резко отмежевать задачи религии и политики, не раз констатирует их неразрывную связь. «Религия берет на себя задачу ответить на основные, вечные вопросы мира и жизни; политика — на вопросы «общественной жизни, которые она притом рассматривает с точки зрения конкретных условий данного общества и данного момента» — так противопоставляет г. Езерский одно другому... «Поэтому, — читаем дальше, — политическое учение никогда не может так всецело захватить человека, не может удовлетворить его основных запросов, ибо *сами политические учения являются уже производным продуктом известного религиозного, философского или научного мировоззрения*» (курсив наш)*. В том-то дело, что политическое учение является продуктом религии, что фактически религия и политика неразрывны, и в равной мере нужно говорить против полного смешения их, как и против попыток разъединить их...

Не так давно бывшая полемика по тому же вопросу на страницах «Полярной звезды» и «Московского еженедельника» еще более поучительна. С. Н. Булгаков, автор «Неотложной задачи» организации «христианской партии», совершенно чуждой

* С. 108; см. также с. 124, 126.

клерикализма, обскурантизма и прочих призраков прошлого, но воодушевленной христианской верой и во имя этой веры и идеалами демократии «социализма», встретил резкого противника в г. Лурье в его статье «Сектантство и партийность»². В противовес Булгакову, Лурье требует «устранения из собственно политической борьбы тех высших ценностей, которые являются высшим благом культурного человека» (с. 35). И сам же на следующей странице призыв к совместной и солидарной работе мотивирует такими словами: «будем помнить, что в опасности наша культура, в опасности нравственные устои общества, в опасности лучшие и ценнейшие блага человека. Будем помнить об “умопостигаемом мире” всего пережитого и добытого человечеством ценою невероятного напряжения и неисчислимых страданий...» Но разве не видно, что это одухотворение практической деятельности «умопостигаемым миром» совершенно не мирится с речами об «устранении из политической борьбы высших ценностей»?

Примирительные статьи П. Б. Струве и кн. Е. Н. Трубецкого только яснее подтверждают нашу мысль³.

Невозможное фактически, противоположение религии и политики сопровождается обыкновенно неправильным пониманием того и другого фактора. Религия обычно мыслится в своем чистом виде, политика же — в определенных эмпирических формах, все недостатки которых возводятся в непреложный закон... Этой чисто методологической ошибкой, с одной стороны, и не совсем правильным, по крайней мере, не полным пониманием религии, с другой, — страдает статья г. Езерского в первой своей части.

Понимая под религией «известное мировоззрение, объясняющее, с одной стороны, общий строй мироздания, доходя до его основного начала и конечных целей, и с другой стороны, положение человека в этой системе мира», автор из этого определения делает такие выводы. «Во-первых, религия берется ответить на все вопросы, охватить человека целиком, регулировать всю его жизнь. Во-вторых, религия все свои требования предъявляет в категорической, не допускающей споров и изменений форме. В-третьих, религия обращается к человеку как личности, требует от него индивидуальных усилий, все свои идеальные цели проводит чрез личность...» (с. 107—108). Последний вывод автор с особой настойчивостью подчеркивает и дальше (с. 112).

Одностороннее, чисто рационалистическое понимание религии г. Езерского требует дополнения в своих выводах — и имен-

но в том пункте, которому он придает особое значение. Всякая религия вводит в систему своих правил регулирование отношений отдельного человека к другим людям. Отношения эти принимают форму определенного с точки зрения данной религии уклада правовой и экономической жизни общества. И задачей религии служит не только воздействие на отдельную личность и ее индивидуальный мир, но и формирование соответственно своим началам общественного социального строя. То правда, что без личного осуществления невозможно установление тех или иных общественных норм жизни. Но, зная воспитательное значение для отдельного человека последних, религия требует введения их независимо от того, проведены ли начала их в жизнь всеми членами общества. Пред нами член общества, сам лично достигший идеальной высоты нравственного развития. И в то же время «религия (этого человека) не будет считать свою задачу исполненной», если общественный строй, выражающийся в законах — писанных и традиционных, совершенно не соответствует ее началам: она заставит его приложить свои старания к установлению требуемой гармонии. Еще конкретнее. Ни один истинно религиозный человек в эпоху, напр<имер>, нашего крепостного права не мог даже умственно успокоиться в сознании исполненного долга, хотя бы сам «сознательно подчинил свою жизнь требованиям религии»: он должен был считать своею религиозною обязанностью заботиться об уничтожении этого института, отрицаемого религией... Мучение совести, Достоевское сознание своей виновности — вот что составляло и составляет основное настроение лучших религиозно-настроенных людей в такого рода эпохи.

После сказанного дополнения согласимся на время с определением религии и выводами из него, данными г. Езерским. Есть ли место на данной почве для противоположения религии политике? Не трудно видеть, что все «выводы» автора применимы и к последней. Политика в своем идеале также стремится регулировать всю жизнь человека, требования предъявляет в категорической форме и также обращается к личности человека. Не противоположение, а только различие между большим и меньшим, между принципом и его осуществлением в пределах известного времени и пространства устанавливается собственными же словами автора. Отрицанием религии является подчинение ее политике: таким отрицанием, — яркий пример, — служит подчинение у нас Церкви государству, но возведение политики на степень религиозного долга сообщает ей и необходимое воодушевление, и широту перспектив по пути по-

стоянного улучшения и прогресса. От такого «смешения» религии и политики, конечно, кроме добра произойти ничего не может.

Сказанное в отношении религии вообще с особенной силой применимо к христианской вере. Религия христианская не есть только известное миропонимание, — но более того: жизнь в общении с Богом. Христианская религия есть жизнь во Христе. Делаясь безраздельно ветвью Виноградной Лозы (Ин. XV), христианин свою жизнь во всех ее проявлениях отдает на изображение в себе Христа, делается, по слову апостола, «новою тварью» в Нем. Христианин не может обособить от влияния Христа ни одной сферы своей жизни. Точнее сказать: вся жизнь ученика Христа служит осуществлением религиозного начала, богочеловеческим процессом. Таким проведением в пределах времени и пространства религиозных начал должна служить и политика.

Что и говорить, — нужно помнить о различии для христианина религии и политики! Первая — область вечного. Вторая имеет временные и преходящие формы. Но именно в силу проникновения религией политики последняя и является постоянным прогрессированием от одного вида к другому. И тот вечный неизменчивый идеал, который служит «закваской» политической жизни, который определяет собою самый факт изменения ее и характер постепенно изменяющихся форм, создает нечто устойчивое и общеобязательное для всех исповедников его (идеала) в сфере временного... Позволю себе здесь последнюю мысль иллюстрировать одним недавним литературным примером. В начале прошлого года на страницах «Церковного вестника» помещена была статья П. П. Кудрявцева на тему, схожую со статьей г. Езерского, но превосходящая последнюю и своим пониманием религии, и раздельностью мысли⁴. Вопрос решался в направлении различения религии и политики. Читаешь статью г. Езерского, невольно вспоминаешь мысли г. Кудрявцева. В нынешнем году вышли, уже отмеченные в литературе нашей, очерки того же автора «По вопросам церковно-общественной жизни»⁵. Если немного продлить линии последних, мы совпадем с «Неотложной задачей» С. Н. Булгакова и с... Христианским братством борьбы, к которому, как нам известно, автор относится с знаком вопроса. Так, выражаясь словами С. Н. Булгакова, идеалы демократии и социализма являются обязательным требованием христианства при сознании различия религии и политики.

II

«Не может быть сомнения, что Христианское братство борьбы стоит на ложном пути, и если бы освободившаяся русская Церковь пошла по этому пути, то получилось бы то же, что теперь, только на другой — на левой стороне... Девиз — “работайте во имя христианской общественности” и грозит при своем последовательном проведении привести к низведению религии к политике... Христианское братство борьбы хочет нас сделать политически левыми, и в этом его великая ошибка. Только понявши эту ошибку и отказавшись от нее, вожди этого братства могут стать вождями церковного возрождения». Так пишет мне один искренно религиозный корреспондент после прочтения статьи г. Езерского.

Можно еще, по слухам, вкривь и вкось судить о Христианском братстве борьбы... Но совсем непозволительно, имея под руками точный доклад о нем, так неправильно характеризовать Братство, как делает это г. Езерский, — и в этом главный грех его статьи... * Благодаря именно такого рода статьям создается совершенно неправильное представление о кружке лиц, которых с непростительной развязностью архиепископ Волынский Антоний в своих «знаменитых» записках, поданных Синоду, величает просто революционной бандой...⁶ И знакомство автора с членами Братства, в «искренности которых он не сомневается», только усугубляет его вину.

«Центральный пункт программы Братства, — говорит г. Езерский, — составляет отрицание на основании Евангелия частной собственности и соответственное требование социалистической перестройки общества» (с. 116). Братство «приближается к социалистическим партиям не одним отрицанием права собственности; по своей терминологии, по основной точке зрения на общественные отношения, это — та же марксистская программа, но основанная на цитатах по Евангелию. Вот в этом и заключается величайшая несообразность... Христианское братство поддалось искушению самым примитивным способом обратить религию на службу освободительному движению. Оно не проделало необходимой самостоятельной переработки религиозного учения, не вывело из него стройно продуманного воззрения на существующие общественные отношения и на задачи религии,

---

* Все нижеследующее основано на брошюре «Христианское братство борьбы и его программа» (М.: Изд. Религ.-общ. библиотека, 1906. Сер. 1. № 2).

а перенесло целиком в свое религиозное мировоззрение программу и часть идей существующих партий, не позаботившись примирить возникшие отсюда противоречия. Оно идет обратным порядком, не от религии спускаясь к политике, а от последней выходя к религии» (с. 120, 126). Вот поистине ужасные обвинения, которые предъявляет к молодой организации г. Езерский!

Ужасные, но совершенно не соответствующие правде! Программа Братства имеет две части весьма неравномерного значения: первую, в который жизненный нерв его, нужно считать основною, принципиальною, вторую — прикладною, указанием тех путей, коими в данный переживаемый нами момент осуществляется идея Братства. Если бы цитируемая нами брошюра не была конфискована, по обычному у нас недоразумению, нам оставалось бы отослать читателя к ней. Теперь вынуждаемся привести из нее основные пункты: ясно будет всякому, какая огромная пропасть лежит между социализмом марксистского толка и социализмом Братства:

1) В основу всех человеческих отношений должны быть положены: Христова любовь и Христова свобода.

2) Идеал полной и всецелой правды людских отношений не должен полагаться только в будущее, как это делается рабочими партиями, — а осуществляться теперь же, немедленно, всеми верующими во Христа. Вся правда должна теперь же быть реализована среди верующих, но верующими будут не все.

3) Христиане совершенно не принимают того количественного представления о прогрессе, которое господствует в современном мировоззрении, по которому благополучие и обеспеченность, являющиеся теперь достоянием некоторых, по достижении цели станут достоянием всех и тогда настанет царство всеобщего благоденствия.

4) Христиане имеют свое представление о прогрессе, коренным образом отличающееся от мирского. Этот прогресс качественный, идущий вглубь, а невширь. Количественное развитие его является чем-то производным и обуславливается развитием качественным.

5) Реализация полной правды в жизни верующих есть необходимый момент этого христианского прогресса. Она служит началом той окончательной дифференциации, той последней и обязательной борьбы зла с добром, о которой говорится в Апокалипсисе.

6) Всеобщего благополучия, по глубочайшей вере христианской, на этой земле никогда не будет. Всеобщего благополучия

никакой социализм дать не может, ибо никакой социализм не властен над законами природы, из которых наиболее неустрашимый и наиболее беспощадный — закон смерти.

7) Христианство идет по пути преобразования слепых и мертвых законов природы в благодатный строй Царствия Божия и по вере христианской «последний же враг истребится — смерть» (1 Кор. 15: 26). В пределах истории последняя цель христиан — это явление «жены, облеченной в солнце» (Ап. 12: 1). Церковь откроется верующим как Невеста Христова, готовящаяся к браку с Господином своим.

8) После этого — начало уже вечного царствования Христа на новой земле под новыми небесами (2 Пет. 3: 13). Это и есть окончательная, за пределы истории выходящая, цель христианского прогресса.

9) Христианский прогресс есть процесс богочеловеческий. Действует и Бог и человек. Человек свободно совершает работу Господню; а Господь подает ему нужную силу и указывает, что нужно делать и как. Поэтому христианский прогресс есть дело и человека. Его усилиями, его свободной сыновней работой человечество приближается к своей запредельной цели.

10) Пришло время сознательно послужить этому приближению. Ибо «время близко» — мы вступаем в окончательный, апокалиптический период всемирной истории. Это говорил уже Достоевский. Об этом недавно во всеуслышание сказал Вл. Соловьев, неясным предчувствием и тревогой об этом полны все движения нашего времени и вся современная литература, отражающая их.

11) На теперешнем поколении лежит колоссальная задача найти конкретные пути осуществления полной правды в жизни верующих и тем, при содействии Духа Святого, положить начало концу — концу господства зла и смерти.

12) Одним из безусловно необходимых путей к этому является создание христианского общественного служения. Последнее предполагает наличность определенной и конкретной практической программы.

Практическая программа более или менее совпадает с программой социализма.

Если можно в чем винить Братство с точки зрения «реальной политики», то именно в том, что его программа — сплошь религиозное восприятие мира. И между тем социализм, который г. Е<зерский> называет «марксистской программой» и программой братства, — отношение антиподов, отношение Христа и Антихриста. Можно ли после этого говорить о механическом

приклеивании религиозного ярлыка к чисто социал-демократической программе, в чем винит г. Езерский Братство?! Христианское братство борьбы хочет нас сделать политически левыми». Да. И именно потому, почему христианская религия ведет к идеалам демократии и социализма, почему к тем же по существу идеалам в своем последовательном развитии приводит помянутая нами книга «По вопросам церковно-общественной жизни». Но, что особенно важно, путь здесь не от политики к религии, как по непонятным основаниям утверждает г. Езерский, а как раз наоборот — от религии к политике... «Девиз “работайте во имя христианской общественности” приводит при своем последовательном проведении к низведению религии к политике». Это так, если христианская общественность является самостоятельным принципом. Но обвинение падает, если мы читаем слова 12 п.: «одним из безусловно необходимых путей (к осущ. п. 11) является создание христианской общественности...»

Центр тяжести Братства, сказали мы, лежит в первой части его программы. Вторая часть сообразована не только с принципами первой, но и с требованиями момента... Здесь есть пункты, с которыми можно не согласиться, как не согласен с некоторыми и автор этих строк. Но, я думаю, никто из членов Братства не считает их непреложными...

Чтобы яснее указать тот «гибельный» путь, на котором стоит Братство, г. Езерский трактует о нем по статьям... гг. Эрн и Свенцицкого, помещенным в различных изданиях... Я думаю, на это ничто не дает права. Иное дело программа Братства. Иное дело, напр<имер>, статья г. Свенцицкого о насилии («Вопросы религии», вып. 1)⁷, с которою не можем согласиться и мы... Но об этом должна быть отдельная речь.

